ПРОГУЛКА ПО РОССІИ.

—

ПОѢЗДКА ВЪ ЗАЛѢССКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ КРАЙ,

ЛѢТОМЪ 1852 ГОДА.

И отдыхъ въ пользу.

Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

—

Суздаль и округъ его.—Ростовъ и промышленость огородниковъ его округа. — Ярославль и льняная промышленость края.—Романовъ-Борисоглѣбскъ.—Залѣсскій край; остатки потѣшной флотиліи въ Переяславлѣ и памятникъ Петру Великому. — Сельди и лещи Переяславскаго-озера.

Какъ ни обиленъ Петербургъ, зимою, удовольствіями, которыя, какъ извѣстно,—сосредоточиваются на это время года въ городѣ; во чтобы живущему тамъ круглый годъ можно было вполнѣ пользоваться ими,—для этого необходимо имѣть извѣстныя лѣта и крѣпкое здоровье. При однѣхъ этихъ условіяхъ можно жить тамъ по-петербургски, т. е. до обѣда заниматься дѣломъ часовъ шесть за одинъ присѣстъ, а потомъ гастрономически обѣдать въ ресторанѣ, и послѣ веселиться до 2-хъ часовъ въ любимомъ публикою мѣстѣ, еще не утратившемъ интереса новости, или играть въ карты. А всѣ ли въ Петербургѣ наслаждаются вполнѣ здоровьемъ, и всѣли имѣютъ способы предаваться публичнымъ веселостямъ, которыя не дешевы? Потому, очень немногіе, съ свободными средствами, выдерживаютъ, безвыѣздно изъ города, годичный круго-оборотъ; а чтобы сдѣлать себя хотя на зиму покрѣпче, переселяются на лѣто

па дачу. Такъ уже издавна ввелось въ Петербургѣ, въ этомъ дѣловомъ, дѣятельномъ городѣ, гдѣ каждый изъ чего-нибудь бьется, и гдѣ безъ этого чего-нибудь чувствуетъ себя désappointé. Но способъ дѣлить такимъ образомъ годичное время сдѣлался, наконецъ, слишкомъ единообразенъ, сталъ надоѣдать; одинъ и тѣ же дачи прискучили, а между-тѣмъ и поколѣніе перемѣнилось, и новое принесло съ собою въ общежитіе многое свое, новое. Вотъ придумали раздвинуть границы дачной жизни, сперва въ болѣе отдаленныя окрестности столицы, потомъ въ Ревель, въ Гельсингфорсъ и т. д. Но ни деревни, какъ, впрочемъ, ни мало между петербургскими дачниками помѣщиковъ, ни Москва, если у кого не было тамъ своихъ близкихъ, не приходили на мысль: гдѣбы лучше провести лѣто, пока не легъ по тонкому грунту новгородской губерніи рельсъ, и паровикъ не началъ переносить, какъ коверъ самолетъ, въ 21 часъ, петрогородцевъ въ Москву, москвитянъ въ С. Петербургъ. Самые жаркіе поборники желѣзной дороги едва ли воображали себѣ переворотъ, долженствовавшій совершиться въ передвиженіяхъ народа послѣ открытія дороги, и послѣдствія относительно развитія многихъ новыхъ промысловъ, какіи теперь являются уже на дѣлѣ. Что впередъ будетъ—о томъ одинъ Богъ вѣдаетъ. Мы говоримъ о лѣтнемъ провожденіи времени, и потому скажемъ, что 21-часовой поѣздъ по желѣзной дорогѣ, гдѣ въ креслахъ вагона путешественникъ сидитъ, какъ въ своемъ кабинетѣ, приблизилъ Москву къ Петербургу на разстояніе, какимъ въ старину опредѣлялось въ царскихъ грамотахъ пространство жалованныхъ помѣстій, т. е. на птичій полетъ и на воловій рыкъ. При этомъ область лѣтняго провожденія времени для петрогородцевъ раздвинулась едва ли не на всю Великороссію: кто уже въ Москвѣ, тому ея окрестности съ загородными мѣстами, всѣ ближайшіе города, съ ихъ привольемъ и дешевизною, по берегамъ Волги, Оки, и мало ли еще гдѣ, становятся все-равно, что рукой подать.

Нездоровый, я рѣшился весною нынѣшняго года ѣхать на лѣто въ Москву; а пріѣхавъ туда въ апрѣлѣ, спросилъ себя: что я стану дѣлать въ Москвѣ? Поѣду-ка лучше въ деревню. И съ мая помѣстился въ деревнѣ въ полномъ смыслѣ этого названія, которой не означено и, думаю, никогда не будетъ означено, на самой подробной топографической картѣ, да и мѣсто ея географически не опредѣлишь, что, впрочемъ, ни къ чему и не повело бы. Избранная мною на лѣто деревня лежитъ за Москвою, около 18 верстъ далѣе Переславля-Залѣсскаго, между ярославскою и владимірскою дорогами; а въ какомъ разстояніи отъ тѣй и другой? подводчикъ сказалъ мнѣ: «версты по проселкамъ мѣрила баба клюкой, да махнула рукой», и потомъ другой крестьянинъ:

«шутъ ихъ мѣрилъ и веревку порвалъ». Послѣ двухъ первыхъ мѣсяцевъ апатическаго спокойствія, я началъ чувствовать, что во мнѣ возраждается желаніе еще чего-то, кромѣ сельскаго единообразія, не потому, что деревня, гдѣ жилъ я, не была похожа на Тускулумъ, а ближайшій городокъ—на Фраскати и Альбано близъ Рима; но вѣроятнѣе потому, что жизнь по природѣ, воздухъ, беззаботность и занятіе несрочное, по произволу, когда былъ расположенъ заняться, приведя въ порядокъ органическія отправленія, сдѣлали этимъ именно то, въ чемъ я нуждался и чего не сдѣлала бы полная лучшими лекарствами аптека въ городѣ, или курсъ гимнастики у де-Рона (въ Петербургѣ). Мнѣ захотѣлось поближе узнать край, въ которомъ я до того времени не бывалъ. Вообще интересны мѣста, о которыхъ говорятъ исторія, или которыя сами за себя говорятъ! Поэтому, іюль и часть августа я рѣшился поѣздить. Думалъ начать разъѣзды съ Суздаля, чтобы посмотрѣть, между-прочимъ, школу иконописцевъ, но слышу, что въ Суздалѣ не пишутъ образовъ. Есть тамъ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, иконописцы, однако 2—3 человѣка не болѣе; по иконописи, какъ исключительный народный промыселъ, изстари и донынѣ ведется между крестьянами экономической хо́луйской волости въ селѣ Холуѣ съ деревнями, верстахъ въ 80—90 отъ Суздаля; лучшія работы выходили прежде изъ селенія Полехъ; но съ нѣкотораго времени, какъ эти, такъ и вообще иконописцы хо́луйскіе, сбили, какъ говорится, руку отъ поспѣшности и отъ множества работъ; слывутъ же образа суздальскими во-первыхъ, отъ того, что въ старину хо́луйская волость заключалась въ границахъ суздальской провинціи, гдѣ Суздаль, а не Владиміръ, какъ въ нынѣшней губерніи, былъ главнымъ городомъ, и потому произведенія, какъ назывались въ то время именемъ главнаго города, такъ и до нынѣ называются тѣмъ же именемъ; а во-вторыхъ, образцами хо́луйскимъ иконописцамъ всегда служили бо́льшею частію образа изъ иконостаса Рождественскаго собора въ Суздалѣ, образа чистаго греческаго стиля.

Въ Суздалѣ есть и еще нѣкоторые предметы, достойные вниманія; но ихъ интереснѣе будетъ видѣть, когда они довершатся, какъ наприм. монументъ надъ гробницею стратига Россіи, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Развѣ для нѣкоторыхъ, можетъ-быть, не безполезно знать, какое употребленіе тамъ дѣлаютъ изъ корья, выходящаго изъ дубильныхъ чановъ съ кожевенныхъ заводовъ? Скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ. Корье, вмѣсто того, чтобъ оставлять безъ пользы, раскупаютъ жители, имѣющіе домашнюю рогатую скотину. Возъ корья сто́итъ до 1 р. с. Корье сырое или сухое, прежде нежели давать скотинѣ

кладутъ въ корчаги, ведра по $1^1/_2$, по 2, наливаютъ водою и ставятъ въ теплую печь съ полдня, когда печь вытопится; до слѣдующаго утра, чтобъ корье хорошенько упрѣло; а потомъ выкладываютъ его въ корыта и обсыпаютъ мукою, или отрубями, или толченою збойною, т. е. остатками отъ сѣменнаго масла, по фунту и по два на задачу для каждой скотины (чѣмъ больше, тѣмъ лучше), и такимъ приготовленіемъ кормятъ скотъ. Скотина съѣдаетъ разомъ до 2-хъ ведръ утромъ, и столько же вечеромъ. Сначала вновь заведенный скотъ ѣстъ такую пищу неохотно; но скоро къ ней привыкнувъ, предпочитаетъ всякому другому корму. Отъ корья скотъ становится жирнѣе, шерсть на немъ получаетъ лоскъ, молоко коровъ—нѣсколько особенный, вкусъ, нисколько, впрочемъ, не противный, и розово-желтый оттѣнокъ.

И такъ, вмѣсто Суздаля, я отправился къ Ростову и далѣе. Надобно замѣтить, что Переславль, названный Залѣсскимъ отъ обилія лѣсовъ между нимъ и Москвою, нынѣ потерялъ эту залѣсность, потому-что замосковными лѣсами фабричная производительность распорядилась по своему; теперь они остаются массами болѣе между св. Троицею-Сергіемъ и Переславлемъ и отъ Переславля къ Ростову, тамъ и сямъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Дорога отъ св. Троицы идетъ мѣстами съ горы на гору. На этомъ пути есть живописные виды, особенно съ возвышенности на тринадцатой верстѣ отъ станціи «Погостъ», близъ селенія Любимова (помѣщика Бабкина). Впдъ открытъ впередъ верстъ на тридцать, и на горизонтѣ разнообразнаго ландшафта лежитъ городъ Ростовъ, на берегу озера. Семь верстъ далѣе отъ этого мѣста заштатный городокъ Петровскъ. Императрицѣ Екатеринѣ II, во-время ея путешествія изъ Ярославля, такъ понравилась мѣстность, что она повелѣла быть тутъ городу, и называться ему, въ память Петра I, по-русски Петровскомъ, какъ основанный на Невѣ городъ названъ по-нѣмецки Петербургомъ. По присланному изъ Петербурга проекту выстроена на избранномъ для города мѣстѣ церковь во имя св. Петра и Павла, которая во всякомъ городѣ была бы красивою, по внутренней архитектурѣ, церковью.

Но Петровскъ не пошелъ, однако, впередъ, и остается донынѣ, какъ былъ съ основанія, бѣднымъ городкомъ, и съ нѣкотораго времени заштатнымъ. Рѣки нѣтъ и не достаетъ другихъ мѣстныхъ условій; промышленость же овощами огородниковъ, начинающаяся отъ Петровска, слабосильна сама по себѣ, чтобъ завить городское гнѣздо и оживить населеніе, тѣмъ болѣе, что отъ Петровска въ двадцати одной верстѣ Ростовъ, собственно главный городъ огородниковъ.

Интересна промышленость огородниковъ въ этомъ краѣ! Поселянинъ

существуетъ тамъ не земледѣліемъ; онъ сѣетъ хлѣбное зерно сколько для него необходимо; но усиленно, съ любовію, въ видахъ благосостоянія, разводитъ овощи, именно: сахарный горошекъ и цикорій. По дорогѣ видны всюду гряды, гряды, гряды, весною съ тычинками сухихъ вѣтвей, которыя среди лѣта обвиваются горошкомъ, а мѣстами гряды съ цикоріей.

Ростовъ въ высшей степени важенъ и замѣчателенъ въ религіозно-историческомъ отношеніи; и вотъ почему: Христіанство въ Россіи въ началѣ возникло и утвердилось на трехъ пунктахъ: въ Кіевѣ, въ Новгородѣ и Ростовѣ (въ 1070 году), съ землями суздальскою и муромскою, когда въ нынѣшнемъ московскомъ округѣ народъ еще идолопоклонствовалъ. Эти три пункта были тогда между собою въ непрерывныхъ, прямыхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ. Въ концѣ XI вѣка, изъ существовавшихъ въ Россіи епископствъ одно было ростовское; муромскіе князья, уже отдѣльные, были отраслію князей черниговскихъ; четвертый митрополитъ россійскій, Ефремъ (1090 г.), жившій въ Переславлѣ въ Украйнѣ, украшая этотъ городъ храмами, украшалъ ими и отдаленный Суздаль; въ XII вѣкѣ черниговскій князь Михаилъ, желая получить облегченіе отъ болѣзни, ѣздилъ изъ Чернигова въ Переславль (Залѣсскій), для молитвы къ Никитѣ Столпнику, спасавшемуся въ переславскомъ Никитскомъ-монастырѣ; изъ всѣхъ князей, старавшихся со всею теплотою любви о заведеніи и поддержаніи училищъ въ Россіи, извѣстенъ въ исторіи князь ростовскій Константинъ (1218 г.)

Каѳедральный соборъ имѣлъ важное значеніе, при патріархахъ. Потому, въ Ростовѣ, соборъ XIII вѣка и оставленные, съ перенесеніемъ каѳедры въ Ярославль, архіерейскій домъ въ Кремлѣ, съ красною въ немъ палатою *, и церкви при немъ (всѣ упраздненныя), по размѣру своему ясно сами говорятъ, каковы онѣ были во-время пребыванія въ Ростовѣ церковной власти. Церковь Спаса при архіерейскомъ домѣ въ самомъ-дѣлѣ очень замѣчательный храмъ. Живопись al-fresco, какою покрыты многія церкви въ томъ краѣ, довольно свѣжа, хотя очень старинная; въ церкви Спаса и еще въ другой нѣтъ вставленыхъ образовъ въ иконостасахъ; образа написаны на стѣнахъ, отдѣляющихъ алтарь отъ церкви. Въ церкви Спаса, при взглядѣ на алтарь, видишь во всемъ что-то особенное, такъ что подумаешь: не созданіе-ли это итальянскаго художника **? Солея, или передъ-алтарное мѣсто, о семи ступеняхъ, открыто только противъ царскихъ дверей; остальное пространство его возвышенія занято большими клиросами по обѣ стороны. На

* Въ ней митрополитъ угощалъ трапезою Петра I.

** Церковь Спаса выстроена при митрополитѣ Іонѣ, въ 1675.

заднихъ стѣнкахъ клиросовъ сдѣланы колонны, и съ каждой колонны перекинута арка чрезъ всю солею и связана другимъ концемъ съ иконостасною стѣною. Наличники царскихъ вратъ обложены мѣдными листами, которые до-сихъ-поръ сохраняютъ позолоту, хотя она нѣсколько потускнѣла. Съ каждой стороны царскихъ вратъ устроено по кіоту; въ одномъ образъ Спасителя, въ другомъ образъ Божіей Матери. Еще есть старики въ Ростовѣ, которые помнятъ, что лѣтъ за шестьдесятъ ходили въ эту церковь разъ въ годъ, съ крестами, и еоборомъ служили въ ней обѣдню. Въ одной изъ наружныхъ галлереей при церквахъ въ архіерейскомъ домѣ, украшенныхъ тоже фресками, недавно обновили, для пробы, посредствомъ сыворотки, одну картину, изображающую Василія Великаго. Живопись такъ прояснилась, что какъ-будто изображеніе теперь только нарисовано, хотя галлереи, когда то закрытыя, долго оставались и остаются безъ рамъ, подъ вліяніемъ воздуха и непогодъ. Это доказываетъ, что климатъ нашъ не истребляетъ этого рода живописи! Церковь блаженнаго Исидора, въ крѣпости, современна Царю Іоанну Васильевичу Грозному. Въ ней, подъ спудомъ, почиваютъ мощи бл. Исидора. Изъ житія его видно, что онъ былъ иностранецъ, иновѣрецъ, не простаго рода, обошелъ всю Европу, и придя въ Ростовъ, принялъ грекороссійское исповѣданіе, и тутъ кончилъ дни свои.

Спасо-Яковлевскій-Дмитріевъ-монастырь въ Ростовѣ, гдѣ почиваютъ мощи св. Димитрія, обстроенъ изящно, и содержится прекрасно. По угламъ квадрата монастырской ограды и въ срединѣ каждой ея стороны устроены красивыя башенки, въ которыя удобный ходъ по стѣнѣ; одна изъ нихъ находится въ ближайшей связи съ домомъ, гдѣ живетъ настоятель монастыря. Видъ со средины и съ вышки этой башни, на озеро и на мѣстность, превосходный, особенно въ хорошую погоду лѣтомъ. Главными вкладчиками, украсившими Яковлевскій-монастырь, были графъ Н. П. Шереметевъ и графиня А. А. Орлова-Чесменская. Приношенія ихъ истинно боярскія! Въ ризницѣ монастыря, отлично устроенной, интереснѣйшая драгоцѣнность — шапочка, въ которой былъ погребенъ св. Димитрій митрополитъ, и платокъ миткалевый, бѣлый, оказавшійся въ карманѣ одѣянія, въ которомъ онъ былъ положенъ во гробъ и погребенъ на мѣстѣ, гдѣ почиваютъ мощи его. Почти пятьдесятъ лѣтъ находившись въ землѣ, и шапочка и платокъ остались невредимы. Но въ своемъ родѣ немѣньшая драгоцѣнность есть одинъ исправленный св. Димитріемъ каноиъ. Свобода почерка, красивость его, по тогдашнему времени, и рѣшительность смѣлыхъ поправокъ доказываютъ, что за великій, опытный труженикъ былъ этотъ достославный святитель.

Пріѣхавъ въ Ростовъ поздно вечеромъ, я остановился близъ Кремля, на постояломъ дворѣ, рядомъ съ женскимъ монастыремъ; потому-что это мѣсто ближе къ пристани на озерѣ, по которому я намѣренъ былъ покататься. Слѣдующимъ утромъ я нанялъ лодку съ однимъ гребцомъ, за пятьдесять копѣекъ серебромъ на семь часовъ времени ѣзды и простоя, и поѣхалъ на другую сторону озера, въ село графа Панина, Порѣчье-рыбное, извѣстное промышленостію сахарнаго горошка и цикорія. Отъ пристани противъ собора до пристани въ Порѣчье мы плыли три часа, разстояніе около десяти верстъ. Въ первый часъ путешествія мы плыли по водѣ густой, зеленоватой и отзывавшейся болотомъ; но потомъ — но свѣтлой, обыкновеннаго вкуса, вѣроятно, отъ притока воды рѣки Гды, впадающей въ озеро. Чрезъ двадцать пять минутъ ѣзды свѣтлою водою, показалось подъ лодкою мѣлководье: лодочникъ, выйдя въ воду, тащилъ лодку руками. Чрезъ полчаса мы были уже въ устьѣ Гды, и ѣхали рѣкою противъ теченія, до порѣчской пристани, около полутора часа. Въ берегахъ рѣки, гдѣ они обнажены, видно множество отверстій, какъ-будто норъ, всѣ въ прямой горизонтальной линіи. Лодочникъ объяснилъ мнѣ, что это отверстія пещерокъ ласточекъ особой породы. Онѣ прорываютъ пещерки сперва прямо, а потомъ вспорону; длина ихъ простирается иногда сажени на двѣ.

Порѣчское населеніе (до 2200 душъ) начинается слободою по обѣимъ берегамъ рѣки; къ водѣ устроено множество лѣсенокъ, и при нѣкоторыхъ сдѣланы временные очажки. На нихъ, въ небольшихъ котлахъ съ кипящею водою обвариваютъ сахарный горошекъ въ плетюшкахъ изъ лозы, давая вскипать водѣ бѣлымъ ключемъ отъ двухъ до четырехъ разъ, смотря потому, мелкій или крупный горошекъ. Когда онъ проварится какъ должно, тогда откидываютъ его на полотно, и сушатъ на особо устроенныхъ лежанкахъ. Онъ продается, смотря по урожаю, отъ девяти до двадцати восьми рублей за пудъ; чѣмъ мельче и болѣе одинаковъ, тѣмъ дороже. Посѣваніе горошка начинается съ Петрова-дня, и тогда же приступаютъ къ сбору его, лущенію изъ стручковъ и приготовленію въ прокъ, что продолжается весь іюль и частію августъ. Въ это время, въ Порѣчьѣ и всюду, гдѣ около Ростова разводятъ горошекъ, сборъ, лущеніе и приготовленіе его составляютъ общую работу; ею занимаются въ каждомъ домѣ огородника, не только всею семьею, но нанимаютъ щипальницъ, платя разно: отъ пяти до тридцати копѣетъ серебромъ въ день, на готовомъ продовольствіи, смотря потому, какъ созрѣваетъ плодъ. Когда созрѣваніе идетъ скоро, тогда спѣшатъ работами, чтобы горошекъ не перестѣлъ, потому-что тогда онъ годенъ только на сѣмяна. Въ Порѣчьѣ, и мѣстами по большой

дорогѣ, видѣлъ я почти вездѣ во дворахъ домовъ женщинъ и мужчинъ которые сидятъ кружками и лущатъ стручья: другіе въ тоже время носятъ безпрестанно плетешки къ котелкамъ, чтобъ обваривать горошекъ. Всегдашняя благодарность тому порѣчскому крестьянину, который первый вывезъ изъ С. Петербурга въ Порѣчье, назадъ тому лѣтъ шестдесятъ, способъ приготовленія горошка въ прокъ; благодарность всегдашняя и тому англичанину въ С. Петербургѣ, который показалъ огородницу способъ приготовлять такимъ-образомъ горошекъ. Долго промысломъ этимъ занимались исключительно одни порѣчскіе крестьяне; но лѣтъ съ двадцать-пять онъ распространился вокругъ всего Ростова верстъ на двадцать и болѣе. Во все время сбора, каждый рынокъ въ Ростовѣ представляетъ, раннимъ утромъ, самое живое, разнообразное зрѣлище. Вокругъ одного изъ корпусовъ гостинаго двора выставляютъ множество столиковъ, и близъ нихъ устраиваютъ переносные вѣски. При каждомъ столикѣ есть скупщикъ горошка. Крестьяне изъ Порѣчья рѣдко продаютъ свой сборъ на этихъ рынкахъ; по ближайшимъ торговымъ связямъ, они отправляютъ горошекъ въ С. Петербургъ и въ Москву. На рынокъ въ Ростовѣ болѣе сносятъ горошекъ изъ другихъ окрестныхъ селеній, мужики, бабы, дворовые люди, въ мѣшечкахъ, лукошкахъ, крошенкахъ, сколько кто успѣлъ собрать съ гряды; отъ скупщиковъ при столикахъ и отъ продавщъ и продавцевъ дѣлается суматоха, словно на азіятскомъ базарѣ; кто развязываетъ мѣшечекъ, кто открываетъ кузовокъ, лукошко, чтобъ товаръ лицомъ показать, кто пробуетъ горошекъ, сухъ-ли онъ (сырой непрочно сохраняется); тамъ вѣсятъ; одинъ хвалитъ другой критикуетъ, удерживаетъ, сбиваетъ цѣны. Но вотъ чрезъ часъ народъ сваливаетъ, и таже сцена переносится въ рыбныя и всякія лавки въ корпусѣ гостинаго двора, и каждый лавочникъ тоже дѣлается скупщикомъ горошка. Забавнѣе всего старухи; онѣ упорнѣе всѣхъ торгуются и отстаиваютъ достоинство горошка, доказывая, что онъ не *катышь* (то-есть крупный), а лучшій, мелкій. Первому цѣна за фунтъ отъ десяти до двѣнадцати копѣекъ серебромъ, послѣднему отъ двадцати до тридцати-пяти копѣекъ серебромъ. О распространеніи у насъ цикорія, молотаго и въ сушеныхъ зернахъ, приготовленнаго по способу Моренко, напрасно было бы слишкомъ распространяться. Многіе пьютъ цикорій, какъ кофе, въ чистомъ видѣ, или съ примѣсью настоящаго кофе. Патроны съ цикоріемъ теперь необходимый товаръ почти каждой мелочной овощной лавочки. Чаемъ у насъ лакомятся; въ Сибири даже, вмѣсто «просимъ хлѣба, да соли кушать», говорятъ: «просимъ чаю, сахару кушать»; мѣстами создался особенный глаголъ «чаевать» то-есть, пить чай прохладно. Но кофе и

цикорій служатъ не только лакомствомъ, согрѣвательнымъ средствомъ, а — замѣняютъ даже, въ Петербургѣ, до нѣкоторой степени, въ недостаточныхъ семействахъ, супъ. На промышленость сахарнымъ горошкомъ и цикоріемъ не обращаютъ у насъ особеннаго вниманія, между-тѣмъ огромныя цыфры потребленія того и другаго предмета въ столицахъ и вывоза заграницу, въ видахъ внѣшней торговли, удивительны! Жаль, что кто-нибудь не займется у насъ статистическимъ изслѣдованіемъ этой отрасли промышлености. Съ вѣрными цифрами простонародной производительности, по каждому роду промышлености, были бы вѣрнѣе соображенія и выводы въ случѣ предпріятія чего-либо обширнаго, капитальнаго.

Въ Россіи богатство народа и его нравственная сила проявляются преимущественно въ храмахъ божіихъ. Они могутъ служить представителями сокровеннаго духовнаго и вещественнаго состоянія мѣстонаселенія. Церковь лѣтняя въ Порѣчьѣ, съ ея высокою колокольнею, достойный представитель порѣчанъ. Это не сельская скромная церковь, а великолѣпный городской храмъ, при которомъ тройный причетъ церковнослужителей. О вкусѣ украшеній въ церкви говорить нечего: онъ неизысканъ; но зато богатство такое, какое найдется не во многихъ храмахъ. Утвари и ризница полнѣйшія и великолѣпнѣйшія; одни серебряные сосуды въ 18 фунтовъ, другіе—въ 12 фунтовъ, художественной работы. Впрочемъ, церковь теплая устроена довольно изысканно, во вкусѣ новѣйшей архитектуры, въ видѣ одной огромной свѣтлой галлереи безъ особенной трапезы. Царскія двери серебряныя, но изваянія на нихъ таковы, что трудно угадать, къ какой эпохѣ чеканнаго искусства можно отнести эти изображенія! Богатый огородникъ вкладчикъ, разумѣется, совершенный профанъ въ искусствѣ, заказалъ незадолго до смерти своей самыя дорогія царскія двери первому серебрянику, на котораго ему указали. Въ другомъ отношеніи, очень удивило меня въ этомъ богатомъ мѣстонаселеніи то, что ни въ трактирѣ въ Порѣчьѣ, и ни въ одномъ домѣ, я не могъ найти себѣ чего-нибудь поѣсть. Какъ сапожникъ безъ сапогъ, порѣчскій мужикъ приготовляетъ лакомый горошекъ, но самъ, кажется, нелакомъ дома ни до него, ни до чего другаго. Порѣчье, однако, далеко нетаково, какъ другое замѣчательное село, ближе къ Ярославлю, о которомъ скажу въ-послѣдствіи. Нынѣшнее поколѣніе огородниковъ обвиняютъ въ общей слабости — въ роскоши; говорятъ, что оно проживаетъ то, что отцы наживали. Можетъ-быть, справедливо, а можетъ-быть, и нѣтъ. Нисходящее поколѣніе у насъ, во всѣхъ состояніяхъ и классахъ, какъ-то причудливо въ своихъ житейскихъ требованіяхъ.

Осмотрѣвъ Порѣчье, и возвратясь тѣмъ же путемъ въ Ростовъ, я поѣхалъ по ярославскому шоссе, далѣе къ Ярославлю, гдѣ еще никогда не бывалъ. Къ Ростову дорога живописна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по своимъ видамъ; а далѣе, за Ростовъ, она прелестна по обработанности мѣстной почвы и по обстановкѣ аллеями березъ, тѣнистыхъ и болѣе сплошныхъ, нежели по сю сторону Ростова. Видъ селеній по пути тоже измѣняется: они чище, лучше обстроены и какъ-то съ виду веселѣе селеній владимірскихъ земледѣльцевъ. Отрасль народнаго племени тутъ отличная въ сравненіи съ жителями Переславскаго-озера. Есть тоже и тутъ названія мѣстъ и урочищъ необъяснимаго значенія: но вообще народъ ярославскій, по физической природѣ, по очертаніямъ лицъ и по характеру, уже вовсе не тотъ; это лучшее славянское племя: легкое, живое, веселое, щеголеватое и въ одеждѣ и въ образѣ жизни, всякое дѣло выполняетъ будто играючи; женщины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ давно сняли сарафанъ, тѣлогрѣю, душегрѣйку, одѣлись въ обыкновенное женское платье, носятъ салопы, прикрываются отъ солнца зонтикомъ, и такъ взыскательны, что дѣвушка, неимѣющая этихъ принадлежностей туалета, скорѣе просидитъ въ праздникъ дома, нежели пойдетъ куда-нибудь со двора.

Ярославцы, въ столицахъ, при своей легкой натурѣ, избираютъ себѣ и болѣе легкія занятія; но въ нѣкоторыхъ службахъ, какъ напримѣръ: въ трактирахъ, рестораціяхъ, мелочныхъ лавочкахъ, баняхъ, пріобрѣтаютъ какую-то особеннаго рода ловкость, которая дѣлаетъ ихъ какъ выражается гдѣ-тоГо голь «лихачами и мигачами». Но на мѣстѣ, у себя, тѣже ярославцы смотрятъ степеннѣе. Не оттого ли, что тутъ они живутъ въ кругу своихъ семействъ. Пли, можетъ-быть, въ столицахъ они кажутся не такими отъ сравненія ихъ съ городскими жителями другихъ состояній; на мѣстѣ же не съ кѣмъ сравнивать ихъ, кромѣ переславскаго тяжелаго народа; а при такомъ сравненіи исключительное преимущество на сторонѣ ярославцевъ.

Подготовленный двухъ-мѣсячною жизнію въ деревнѣ, гдѣ я подчинялъ себя всѣмъ условіямъ натуральнаго провожденія времени, къ бо́льшей воспріимчивости, я въѣхалъ въ Ярославль подъ вліяніемъ самыхъ благопріятныхъ впечатлѣній, которыя произвели во мнѣ какое-то особенное успокоительное настроеніе духа. Если не все, то многое зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ мѣстности, окружающихъ насъ предметовъ и отъ воспріимчивости къ впечатлѣніямъ. Призма, преломляя лучи солнца, разлагаетъ и отражаетъ каждый его цвѣтъ порознь; душа, воспринимающая и понимающая свойства предметовъ внѣшняго міра, не тотъ ли же кристалъ невещественный, такой однако, которому свойственно

отражать неравномѣрно всѣ качества внѣшнихъ предметовъ, но которое-нибудь одно — болѣе, другое — менѣе, смотря по природному расположенію, или по направленію свойствъ человѣка. На этотъ разъ вниманіе мое, согласно душевному настроенію, обратилось въ ярославскомъ краѣ на духовную сторону въ народѣ. Она тамъ очень развита и поддерживается преданіемъ. Православный край по преимуществу! Съ весны до поздней осени, хожденія изъ города въ городъ и по селеніямъ съ чудотворными иконами почти непрестанныя. Въ каждомъ мѣстѣ время ожиданія принесенія образа — религіозный праздникъ. На срѣтеніе его выходитъ все мѣстное населеніе. Молебны не прерываются. Одинъ образъ чрезъ извѣстное время смѣняется другимъ предъ которымъ такое же искренно-усердное моленіе. Наиболѣе чествуется образъ Божіей Матери. Ея исключительному предстательству и заступничеству предалъ себя весь край со временъ великаго князя Андрея, принесшаго съ собою изъ Кіева чудотворную икону Божіей Матери, находящуюся нынѣ близъ Владиміра, въ селѣ Боголюбовѣ. Образъ этотъ прославленъ побѣдою надъ болгарами. Ходы съ образами вообще представляютъ умилительное народное торжество. Мнѣ случилось быть въ Ярославлѣ, въ день праздника Казанской Божіей Матери. Тысячи людей выходили на срѣтеніе ростовскому образу Владимірской Богоматери; во-время несенія его изъ собора въ Казанскій-монастырь сотни людей, особенно усердныхъ, ложились на землю подъ переносъ,— самое старинное въ народѣ поклоненіе! Ярославль обиленъ храмами: при тридцати тысячахъ городскаго населенія до сорока церквей монастырскихъ и приходскихъ; вокругъ одной Ильинской-площади одиннадцать церквей! Всѣ церкви содержатся благолѣпно. Нынѣшній годъ замѣчателенъ въ Ярославлѣ обновленіемъ и украшеніемъ многихъ церквей позлащенными главами, что съ перваго взгляда возвышаетъ понятіе путешественника о благосостояніи и усердіи гражданъ. Церкви внутри соотвѣтствуютъ вполнѣ этому понятію, вселяемому наружностію; кромѣ общихъ украшеній на иконостасахъ и образахъ, полы почти во всѣхъ церквахъ устланы войлоками или коврами, конечно во вниманіи къ мѣстному обычаю молиться съ колѣнопреклоненіемъ и съ земными поклонами. Въ Ярославлѣ, день, можно сказать, начинается, какъ должно бы вездѣ его начинать, то есть молитвою: за раннею обѣднею бываетъ въ церквахъ много богомольцевъ. Нельзя не отдать должной справедливости и мѣстному духовенству. Его служеніе въ пользу духовной паствы, по прямому призванію, достойно особеннаго замѣчанія. Въ Ярославлѣ существуетъ особенное заведеніе воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Въ Царскомъ-селѣ существуетъ уже такое-же заведеніе. Кто

всматривался и убѣжденъ въ неразрывной связи успѣховъ общественной нравственности съ предварительнымъ воспитаніемъ дѣтей, тотъ вполнѣ оцѣнитъ благодѣтельныя послѣдствія подобныхъ женскихъ заведеній для сословія духовнаго

Не служитъ-ли, между прочимъ, доказательствомъ усердія и любви народа къ церкви и ко всему, что придаетъ бо́льшую торжественность церковному, и то, что не только въ городахъ, даже въ селахъ, почти вездѣ *красные звоны*, т. е. праздничные колокола больше обыкновенно бывающихъ при сельскихъ церквахъ, и что въ Ростовѣ городское общество заботится о томъ, какъ бы сберечь красный звонъ на соборной колокольнѣ, и удержать при ней извѣстное число прежнихъ штатныхъ звонарей, которые, преимущественно изъ прежнихъ, умѣютъ особенно гармонически по потамъ разныхъ строевъ звонить въ колокола, подобранные подъ тонъ. Извѣстно, что митрополитъ Платонъ въ Ростовѣ наслаждался слушаніемъ звона на соборной колокольнѣ.

Въ первыя времена татарскихъ нашествій, въ костромскомъ лѣсу явилась Божія Матерь (Ѳеодоровская). Татары, ограбивъ Ярославль, шли съ добычею и плѣнниками въ Кострому, для грабежа и убійствъ. Кн. Василій костромской, съ надеждою на явившуюся икону, вступилъ въ бой съ татарами и разбилъ ихъ на берегу озера, названнаго Святымъ. Во дни святителя Петра, Трифонъ, епископъ ростовскій и ярославскій, обозрѣвая свою паству, остановился въ 7 верстахъ отъ Ярославля. Въ полночь увидѣлъ онъ на другомъ берегу рѣчки Толги икону. Божіей Матери въ лучезарномъ свѣтѣ. Съ нимъ была его свита. На другой день, его спутники нашли икону тамъ, гдѣ видѣлъ ее блаженный епископъ. Это было 8 авг. 1314 г. На томъ мѣстѣ построена обитель Толгская, въ томъ же году. Въ ней находится донынѣ явленная святыня—образъ Божіей Матери, къ которому народъ имѣетъ особенное усердіе.—Мѣстность монастыря, на луговой сторонѣ злачной приволжской равнины, чудная! Монастырь, въ которомъ 33 человѣка монашествующей братіи съ послушниками, и 25 штатныхъ служителей, не богатъ, но содержится въ большомъ порядкѣ. Нынѣ настоятелемъ въ немъ архіепископъ Приней. Передъ нимъ управлялъ монастыремъ ярославскій архіепископъ Авраамъ, дожившій въ немъ, на покоѣ, вѣкъ свой. При монастырѣ устроена для богомольцевъ гостинница, въ которой можно имѣть необходимое для подкрѣпленія себя и пользоваться изъ монастырской кухни кушаньемъ, какое приготовляется для братіи. Гостинница въ нынѣшнемъ году возобновлена. На погостѣ монастыря много надгробныхъ памятниковъ; но болѣе всѣхъ надъ покойниками изъ семейства князей Урусовыхъ. При монастырѣ есть порядочный садъ;

въ немъ пруды, цвѣтники, парники, огородъ. Впрочемъ, лучшее украшеніе—сада, это кедры, кѣмъ посаженные не извѣстно; но они бо́льшею частію вѣковые, и нѣкоторые только средней величины. Всѣхъ считается до 250 деревьевъ. Благосклонный настоятель монастыря предложилъ мнѣ погулять въ саду, чѣмъ я не премнулъ воспользоваться. Тишина мѣста этого очаровательна, и я тамъ провелъ цѣлый день. На одинъ изъ кедровъ, во-время горѣнія въ старину соборной деревянной церкви, перемѣщался, какъ говоритъ преданіе, самъ собою чудотворный образъ Божіей Матери. Сукъ, на которомъ былъ потомъ обрѣтенъ онъ, въ-послѣдствіи, слишкомъ отросъ, обвисъ и мѣшалъ проходу; почему былъ отнятъ отъ дерева. Въ сосѣднихъ лѣсахъ, которыми изобилуетъ заволжскій край, кедры не растутъ, какъ туземное дерево, но иногда отдѣльныя кедровыя деревца попадаются случайно, и онѣ—какъ полагаютъ жители—произрастаютъ отъ занесимыхъ птицами изъ монастырскаго сада кедровыхъ шишекъ. — Кедры составили съ недавняго времени не большой, но довольно выгодный промыселъ для нѣкоторыхъ крестьянъ въ близь-лежащемъ отъ монастыря селѣ Толгоболѣ (Песочное). Ихъ разводятъ и ростятъ для продажи. Нынѣ цѣны на нихъ понизились, и деревца въ $1^1/_2$ въ $1^3/_4$ арш. можно покупать по $1^1/_2$ руб. серебр.; нѣсколько лѣтъ прежде онѣ были гораздо дороже.

Прежде нежели, скажу что̀ должно о Ярославлѣ, упомяну о городѣ Борисоглѣбскѣ, куда ѣздилъ я, поклониться Нерукотворенному образу Спаса. Соборъ въ честь Воскресенія Христова, гдѣ находится этотъ образъ, обширный, каменный, пятиглавый, византійской архитектуры. Образъ въ прежнемъ деревянномъ зданіи собора стоялъ, вверху въ главѣ, и ликъ его снизу казался обыкновенной величины. Но во-время пожара, истребившаго деревянное зданіе, образъ былъ снятъ, и по отстройкѣ каменнаго собора, въ 1652 году, поставленъ внизу, въ особенномъ кіотѣ, устроенномъ такъ, что можно, наклонясь, подходить подъ образъ и проходить подъ нимъ, что̀ дѣлаютъ многіе вѣрующіе. Величина доски образа въ вышину слишкомъ 4 аршина, въ ширину около 3-хъ аршинъ. Ликъ Спасителя самъ по себѣ не менѣе, какъ около 3-хъ и 2-хъ аршинъ; серебряный вызолоченный вѣнецъ давно украшалъ ликъ; но нѣсколько лѣтъ назадъ устроили на образъ серебряную ризу, вѣсомъ почти въ $2^1/_2$ пуда, которая съ вѣнцомъ вѣситъ болѣе 3-хъ пудовъ. Писаніе образа темнаго цвѣта, какъ на самыхъ старинныхъ образахъ. Усердіе къ образу безпредѣльное; чудеса, явленныя отъ него въ годины народныхъ бѣдствій, навсегда сохранятся въ памяти православнаго народа.

Романовъ, городъ на другой сторонѣ Волги, противъ Борисоглѣб-

ска, извѣстенъ особенною породою овецъ сизосѣрой шерсти и добротою тулуповъ и полушубковъ, которые считаются лучшими.

Докончимъ наше описаніе взглядомъ на самый Ярославль.

Мѣстность этого города, какъ извѣстно, очень красива; онъ заселился и обстроился на нагорномъ берегу Волги, на мысу, образуемомъ стеченіемъ съ Волгою рѣки Которости *. На привольномъ просторѣ, городъ расположился широко, и изстари украшенъ многими церквами, архитектуры нѣсколько отличной отъ стиля старинныхъ московскихъ и владимірскихъ церквей. Въ отдѣлкѣ церквей нѣтъ ничего особенно изящнаго, какъ въ большей части старинныхъ церквей въ Россіи; однако рѣзные иконостасы, тѣ, которые вновь отзолочены, въ своемъ родѣ красивы и величественны. Отъ старины еще остается донынѣ одна башня крѣпостной стѣны, которою былъ обнесенъ городъ на случай нашествій поляковъ. Предмѣстія города всѣ за Волгою и за Которостью, и можно надѣяться, что получатъ современемъ видъ тоже городской. Набережная въ городѣ по береговому возвышенію, отъ воды на 8 саженъ, хорошо обдѣлана и покрыта бульваромъ съ липами и чугунною рѣшеткою, на пространствѣ около версты. Бульваръ, прерываясь на набережной, продолжается влѣво, къ центру города, и тутъ, по сторонамъ его, выстроены лучшіе домы. Гостинный-дворъ въ Ярославлѣ изобилуетъ всякаго рода товарами, какіе есть въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ. Съ послѣднимъ Ярославль находится въ постоянныхъ сношеніяхъ; изъ московскаго же округа онъ заимствуетъ одни мануфактурные и отчасти ремесленные предметы. Съѣстной рынокъ лучше столичныхъ по обилію и дешевизнѣ живой рыбы. Двѣ-три ресторація русскія, по чистотѣ и простотѣ отдѣлки, не въ чемъ не уступятъ московскимъ трактирамъ, пользующимся особенною извѣстностію. Но цѣны въ нихъ на все одинакія съ московскими; а прислуга рѣшительно лучше: она не имѣетъ московской ухватки лихачей. Зимою, говорятъ, составляется въ Ярославлѣ очень пріятное общество; но на лѣто всѣ разъѣзжаются въ деревни.—Торговцы въ Ярославлѣ извѣстны своимъ богатствомъ; многихъ считаютъ милліонными капиталистами. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются, не только торговою спекулативностію, но и промышленными предпріятіями. Такъ, братья Крохоняткины, у которыхъ на мельницахъ, собственныхъ и арендуемыхъ, перемалывается въ годъ громадное количество четвертей зернового хлѣба, и есть нѣсколько пароходовъ по Волгѣ, выстроили въ Ярославлѣ единственную въ своемъ

* Котора-ста наша вода? спрашивали когда-то другъ-друга люди, жившіе на берегахъ двухъ рѣчекъ, которыя, сливаясь, образуютъ одну рѣку *Которость*.

родѣ паровую мельницу, на которой машины, паровая въ 75 силъ и другія—съ заводовъ гг. Шепелевыхъ, а устройство мельничнаго механизма—отечественныхъ механиковъ. На мельницѣ покуда дѣйствуетъ половинное число предположенныхъ поставовъ, то-есть 20, и на нихъ ежесуточно перемалывается по 100 четвертей пшеницы въ восемь различныхъ сортовъ крупъ и мукй. Особенно интересно видѣть движеніе небольшихъ ковшичковъ изъ жести, придѣланныхъ къ ремнямъ, которые поднимаютъ цѣльное зерно и несутъ его изъ нижняго въ четвертый этажъ, для раздробленія.—Нѣкоторые замѣчаютъ, что на мельницѣ много пропадаетъ паровъ, почему бы,—говоритъ,—не устроить бани, которая могла-бы существовать этими парами, съ особенною пользою для города, гдѣ нѣтъ порядочныхъ общественныхъ бань? Но надобно обождать, окажутся ли излишніе пары, когда отдѣлается другая половина мельницы, и будутъ пущены въ ходъ еще 20 поставовъ.

Судоходство по Волгѣ, бичевное и машинное, слишкомъ извѣстно. Въ послѣднее время эта отрасль получила дальнѣйшее развитіе отъ введенія по Волгѣ пароходовъ, существующихъ нынѣ уже не отъ одной какой-либо компаніи. Точно, пароходы пробѣгаютъ часто, но ни одинъ не останавливается у берега въ Ярославлѣ, а всѣ слѣдуютъ прямо къ Рыбинску. Желательно, чтобъ это поскорѣе измѣнилось, и чтобъ пароходы не только транспортировали грузы, но возили-бы и пассажировъ, въ которыхъ, конечно, не будетъ недостатка при многолюдіи по Волгѣ и при частныхъ разъѣздахъ мѣстныхъ жителей по всѣмъ ея побережьямъ, особенно во время Нижегородской-ярмарки.

Вспомнивъ холерный 1830 годъ, когда, въ концѣ августа, меня командировали на ярмарку въ Великое-Село, я желалъ и въ нынѣшній разъ побывать тамъ. Великое-Село лежитъ невдалекѣ отъ большой дороги, между Ярославлемъ и Ростовомъ; близъ него живетъ помѣщикъ хозяинъ, двигатель въ этомъ краѣ полотнянаго дѣла, введшій въ Россіи голландскій способъ обработки льна и бѣленія полотенъ. Его знаютъ въ кругу хозяевъ, и не только у насъ въ Россіи, но и далѣе. Въ частной жизни селянина, послѣ тридцати-лѣтнихъ скромныхъ трудовъ, онъ достойно оцѣненъ за примѣръ и соревнованіе въ видахъ общей пользы. * Великое-Село — частное имѣніе наслѣдниковъ Яковлева, тѣхъ, которымъ принадлежитъ Новая-Деревня близъ С. Петербурга. Въ немъ до 1800 душъ, которыя изстари усвоили себѣ, какъ исключительное занятіе, ткачество тонкихъ полотенъ и полотняныхъ платковъ. Главная при-

* Е. С. Карповичъ, членъ учрежденнаго, 10 іюня 1852 г., въ Ярославлѣ, комитета для поощренія и усовершенствованія льняной промышленности.

чина тому малоземелье, отъ чего великоселы не занимаются земледѣліемъ, и почти всю землю свою отдаютъ въ кортомное содержаніе окольнымъ крестьянамъ. Полотняное дѣло вообще главная промышленость въ народѣ ярославской, костромской и вологодской губерній, равно какъ и воздѣлываніе льна, обработка его и ткачество. Нѣтъ, въ трехъ губерніяхъ домовитаго помѣщика, который не имѣлъ бы между дворовыми людьми своихъ пряхъ и ткачей, болѣе или менѣе искусныхъ, и не носилъ бы бѣлья и лѣтней одежды, какъ говорится, «сурова небѣлья, своего рукодѣлья». Домашнія полотна, платки и коломенка у помѣщиковъ, особенно у тѣхъ, кто любилъ ткацкое производство, какъ любили въ старину въ другихъ мѣстахъ какую-либо охоту, выработывались съ удивительнымъ искусствомъ. Безспорно, они обходились очень дорого, и никогда не выдержали бы конкуренціи въ цѣнахъ на тѣ же ткани въ вольной продажѣ; но, по-крайней-мѣрѣ, все это было свое, дорого, да мило, и носилось очень долго. Если гдѣ въ Россіи щеголяли бѣльемъ, то конечно въ этомъ, по преимуществу, полотняномъ краѣ, и центромъ торговли льномъ и ткачества тонкихъ полотенъ и платковъ сдѣлалось издавна, и донынѣ остается, Великое-Село. Странно нѣсколько, что въ немъ, при ткаческомъ промыслѣ, не существуетъ льноводство и пряденіе; причина одна и таже: по малоземелью, крестьяне не сѣютъ, пряденіемъ льна тоже не занимаются; на рынкѣ въ Великомъ-Селѣ всегда можно очень дешево покупать пряжу отъ окольныхъ крестьянокъ, которыя, работая зимою только отъ нечего дѣлать, почти ни во что считаютъ и время и первоначальный матеріалъ; потому, въ Великомъ-Селѣ ткутъ полотна и платки изъ скупаемой по другимъ селеніямъ, въ окрестности, пряжи, и то употребляя ее на утóкъ; основу же дѣлаютъ изъ пряжи англійской, болѣе крѣпкой и ровной. Продажа льна на великосельскихъ рынкахъ и производство полотенъ дошли до значительныхъ размѣровъ. Льна для машиннаго пряденія на нашихъ фабрикахъ (на которыхъ уже дѣйствуетъ около двадцати-тысячъ веретенъ), и для отправки за границу чрезъ архангелогородскій портъ, скупается ежегодно до сто-тридцати-тысячъ пудовъ, примѣрно по 2 руб. сер. пудъ, на двѣсти-шестдесятъ тысячъ руб. сер.; ткацкихъ становъ насчитывается до 500; на каждомъ соткутъ въ годъ, по меньшой мѣрѣ, 300 аршинъ, 150,000 аршинъ, но дешевѣйшей цѣнѣ, 40 коп. сер., каждый, на шестдесятъ тысячъ рублей серебромъ. По сравненіи стоимости всѣхъ полотенъ и продажныхъ цѣнъ, можно приблизительно опредѣлить, что въ послѣднія 20 лѣтъ увеличилось производство полотенъ процентовъ на 100, т. е. вдвое; цѣны же понизились, въ тонкихъ полотнахъ процентовъ на 40, а въ среднихъ процентовъ на 20. Это произошло

въ 1839 г., когда былъ уничтоженъ лажъ на ассигнаціи. Слѣдовательно, въ-самомъ-дѣлѣ цѣны не упали почти нисколько: за 5 арш. полотна до 1839 г. стоило заплатить, напримѣръ, шесть рублей по тогдашнему народному курсу, то-есть пяти-рублевую ассигнацію, и послѣ уничтоженія лажа надобно было дать за столько же полотна, по установленному Правительствомъ курсу, также пять рублей, то-есть туже пяти-рублевую ассигнацію. Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, предвидится въ будущемъ упадокъ цѣнъ на полотна, особенно на тонкія, производимыя въ Великомъ-Селѣ, по безпрерывному приливу иностранныхъ такихъ полотенъ. Въ тонкихъ полотнахъ гораздо менѣе вѣсу, и на нихъ идетъ льну менѣе, хотя льну лучшаго. Торговля льномъ непремѣнно увеличится: требованіе льна на иностранныя фабрики останется такое же, какое есть; а на фабрики въ Россіи оно будетъ годъ отъ году возрастать. Можно полагать, что когда наши льнопрядильни усовершенствуются, тогда машинная пряжа подешевѣетъ до-нельзя, и тогда опять будетъ выгодно ткать тонкія полотна, тѣмъ болѣе, что машиннымъ ткачествомъ производить оныя не вполнѣ удобно. Вообще можно сказать, что доселѣ успѣхи въ распространеніи и усовершенствованіи приготовленія и бѣленія полотенъ въ Великомъ-Селѣ, въ послѣднія 20 лѣтъ сдѣланы замѣчательные, такъ что эти наши полотна уже могутъ отчасти соперничать до времени съ иностранными, не взирая на умѣренную, по дѣйствующему тарифу, пошлину на послѣднія; даже аппретура полотенъ введена уже иностранная. Въ недавнемъ времени, для полотнянаго производства наступилъ новый періодъ: приняты мѣры, могущія способствовать вообще въ Россіи развитію и усовершенствованію льняной промышленности во всѣхъ ея видахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ въ особенности касаются до ярославской, костромской, вологодской и владимірской губерній; именно: установлены особенныя премія за пряжу и полотна домашняго произведенія и за ленъ и льняно, сѣмя, и въ Ярославлѣ предположено учредить школу ручнаго пряденія для дѣтей бѣднѣйшихъ фабричныхъ прежде-бывшей большой Яковлевской мануфактуры; а въ Великомъ-Селѣ — школу ткачества подъ руководствомъ лучшаго иностраннаго мастера ткача, на усовершенствованныхъ и снабженныхъ всѣми принадлежностями для ткачества, станахъ. Это, какъ ожидать можно, дастъ мѣстной промышленности еще новую силу къ преуспѣванію. Къ счастію для дѣла вообще, и въ особенности для великоселовъ, благопріятствуютъ тому и другія мѣстныя обстоятельства, постоянныя и случайныя. Первыя — это добрая нравственность и способности воспріимчиваго народа и характеръ помѣщиковъ, столь благонамѣренныхъ во всѣхъ распоряженіяхъ, что подвластные иначе не

называютъ ихъ, какъ своими отцами. Это говорится безъ преувеличенія. И кстати должно сказать, что управленіе Великимъ-Селомъ и направленіе его ко всевозможно успѣшной цѣли, въ видахъ благосостоянія людей, находится уже около пяти лѣтъ въ рукахъ весьма опытнаго, дѣятельнаго и благонамѣреннаго лица, пользующагося общимъ уваженіемъ и довѣріемъ помѣщиковъ и крестьянъ, которое ничего столько не желаетъ, какъ полнаго и совершеннаго процвѣтанія Великаго-Села *. Для окредитованія великосельскихъ издѣлій въ публикѣ, и вмѣстѣ для пріученія производителей къ бо́льшей отчетности въ работахъ, предполагается ввести, на мѣстѣ, браковку произведеній, съ тѣмъ, что каждый купившій кусокъ полотна или платковъ за клеймомъ браковымъ, можетъ въ-теченіе извѣстнаго времени, если кусокъ окажется съ изъяномъ, возвратить оный, и ему будутъ отданы обратно заплаченныя за него деньги.

О наружности Великаго-Села можно сказать, что теперь оно городокъ, а въ будущемъ—городъ. Третья часть домовъ у крестьянъ каменные. Есть уже предположеніе страховать дома отъ огня, какъ это дѣлается въ другихъ селеніяхъ по пути отъ Ростова къ Ярославлю. Есть крестьяне, которыхъ можно считать въ капиталѣ 10—15 тысячъ рублей серебромъ. Церкви въ Великомъ-Селѣ, одна главная, лѣтняя, другая зимняя, и еще третья, новая, заслуживаютъ вниманіе по огромности, по украшенію, а послѣдняя и по пышеству внутренней отдѣлки. Староста церковный, почтенный старикъ, уже 15 лѣтъ заботится съ безпримѣрною ревностію о лучшемъ пристройствѣ лептъ, приносимыхъ отъ усердія жителей Великаго-Села; его попеченію собственно обязано село устройствомъ новой церкви. Позднюю обѣдню, которую довелось мнѣ слушать, совершали въ лѣтней церкви; она была полна народомъ. Женщины, по обычаю стояли сзади,—впереди все мужчины. Дѣвицъ не было; онѣ ходятъ болѣе къ ранней обѣднѣ. Видъ великосельскаго народа, въ многочисленномъ собраніи, вполнѣ соотвѣтствуетъ красивой обстройкѣ села. Одно, чего нельзя было особенно не замѣтить, это то, что въ лѣтней и зимней церквахъ устроены кіоты съ мѣстами для образовъ, и каждое семейство ставитъ тутъ навсегда одну изъ своихъ домашнихъ иконъ, которой молится и предъ коею теплитъ свои свѣчки. Престолы въ церквахъ во имя праздниковъ богородичныхъ и два во имя св. чудотворца Николая и Дмитрія Солунскаго.

На память о Великомъ-Селѣ, я купилъ нѣсколько полотняныхъ платковъ, по 1 руб. 15 к. ассигн. (Хорошіе платки, а лучшіе по 2

* А. И. Черневъ, ярославскій помѣщикъ, членъ комитета поощренія льняной промышленности.

руб. 10 к. ассигнац.) въ домѣ одного богатаго крестьянина, семейство котораго состоитъ изъ трехъ женатыхъ сыновей, четвертаго племянника, самъ-восьмнадцать душъ. Живутъ всѣ вмѣстѣ, въ собственномъ каменномъ домѣ, стоющемъ около шести тысячъ рублей ассигнаціями, чисто и роскошно, но просто, по крестьянски.

Замѣчательно, что близъ Великаго-Села и вообще въ ярославской губерніи есть многія фамиліи помѣщиковъ, происходящихъ отъ именитыхъ выходцевъ ордынскихъ: Кайсаровы, Мустафины, Архаровы, Ахматовы, Урусовы, Курманалѣевы, Черемисиновы, Самарины, Ендоуровы, Кекуатовы, Аксаковы, Елчаниновы, Арнаутовы. Въ бо́льшей части этихъ родовъ до-сихъ-поръ сохраняется коренной типъ.

Заключивъ Великимъ-Селомъ мои разъѣзды по ярославской губерніи, я возвратился въ переславскую деревню, въ лѣтнее мое убѣжище, чтобы дожить тамъ остальное теплое время. Въ ближайшемъ городѣ Переславлѣ-Залѣсскомъ готовились въ это время къ особенному торжеству, которое вскорѣ и было совершено, 17 августа.

Прежде описанія его, скажу нѣсколько словъ объ округѣ Переславль-Залѣсскомъ.

Какой народъ жилъ въ древности въ странѣ, названной Залѣсскою (со стороны Москвы) * и польскою, или полянскою, гдѣ основанъ Юрьевъ-Польскій, о томъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, если, впрочемъ, не объяснимыя для насъ названія живыхъ урочищъ и мѣстожительствъ, донынѣ сохраняющіяся, въ своемъ родѣ также не свидѣтельства: языкъ — одно изъ главныхъ отличій народа. (Каово или Неро (озеро); Сара, Векса, Нерль, Тошма (рѣчки); Воржа, Шалава, Шошша, Брембола (деревни и селенія) **); и если при томъ обликъ народа не есть характеристическая черта племени; въ нѣкоторыхъ же лицахъ между жителями около Переславля донынѣ видно что́-то не чисто славянское. Я не говорю уже объ особенныхъ словахъ въ мѣстномъ залѣсскомъ нарѣчіи. Мокропогодица (сырое, время съ дождемъ), поверокъ (поворотъ), бережа (жерёба), кумаха (лихорадка), прытко, отъ слова попритчилось (болѣнъ). Это варіянты русскихъ словъ. По этому, нынѣшній русскій народъ переславскій, кажется, не туземный, а пришлый, и не отъ Москвы, а отъ сѣверо-запада, откуда, къ сторонѣ

* Впрочемъ даже въ XV вѣкѣ Москва считалась, отъ стороны Переславля, однимъ изъ городковъ залѣсскихъ.

** Всего вѣроятнѣе, что это чудскія названія. Болгары, сосѣди того края, состояли изъ смѣси чуди съ славянами, а чудь тянулась къ юго-востоку изъ Лифляндіи, и въ попутныхъ мѣстахъ засѣдала. Въ древности, тотъ конецъ въ Ростовѣ, гдѣ нынѣ Авраміевъ-монастырь, назывался чудскимъ.

Волги и далѣе по ея теченію, двигался народъ на юго-востокъ и къ области московской, отдѣлявшейся отъ приволжья дремучими лѣсами. Замѣчательно, что родители св. Сергія пришли въ лѣса радонежскіе также отъ той стороны, изъ ростовской области. Переславль основанъ въ эпоху образованія городовъ въ приволожской, а не въ московской области. Обратное же направленіе отъ Москвы къ Ростову, и далѣе, куда въ-послѣдствіи народъ сталъ расходиться, начинается съ появленіемъ Москвы и возвышеніемъ ея на извѣстную степень городовъ, когда утверждалось и распространялось монашество изъ обители св. Сергія. Это обратное направленіе усиливалось по мѣрѣ основанія монастырей на сѣверо-востокъ, избѣгнувшій татарскаго пребыванія, и по мѣрѣ увеличивавшихся знаменій чудодѣйственной силы въ мощахъ почившихъ въ томъ краѣ подвижниковъ, — этихъ предстателей и молитвенниковъ за угнетенную тогда Россію, прежде нежели ее, разрозненную на удѣлы, сомкнули московскіе великіе князья въ кольцо единодержавія.

Переславль-залѣсскій округъ въ ближайшее къ нашей эпохѣ время составлялъ нѣчто отдѣльное. Путь туда былъ знакомъ народу и великимъ князьямъ Москвы, ходившимъ на поклоненіе отечественнымъ святынямъ, къ св. Троицѣ Сергію, въ Переславль и далѣе. Событія въ жизни царя Іоанна Грознаго доказываютъ, что край этотъ всегда былъ спокойнымъ, и не принималъ участія въ современныхъ правительственныхъ интересахъ и управахъ власти съ боярствомъ и съ сѣверо-западными областями: Новгородомъ и Псковомъ. Смущаемый совѣстію и обстоятельствами, царь московскій, укловялся туда нетолько подъ сѣнь мѣстной святыни, но какъ въ нейтральную отъ смутъ страну, тихое убѣжище; даже первая супруга Грознаго, изъ рода Захарьиныхъ, была изъ переславльскаго края, какъ полагать можно, потому-что въ переславльскомъ уѣздѣ, между дворянскими старинными фамиліями Ступишиныхъ, Поливановыхъ, Барьсковыхъ, Свиньиныхъ, Самсоновыхъ, Малово, еще донынѣ есть Захарьины.

Такъ мирное начало всегда было основнымъ свойствомъ залѣсскаго народа, по преимуществу земледѣльческаго *. Онъ не зналъ другихъ тор-

* Переславцы измѣнили, однако, этому началу въ смутную эпоху самозванцевъ, когда торопѣлый, перебаловавшійся потомъ народъ не зналъ, кому и чему вѣрить, и часто поддавался увлеченіямъ и измѣнялъ присягѣ. Такъ въ бытность митрополита Филарета на ростовской каѳедрѣ, переславцы были увлечены поляками, подступили вмѣстѣ съ ними къ Ростову, осадили соборный храмъ, въ которомъ заперся митрополитъ съ ростовцами, выбили двери, умертвили вѣрныхъ жителей, наполнивъ храмъ трупами (1609), схватили Филарета и отвезли его въ станъ тушинскаго вора. Это, впрочемъ, послѣднее народное событіе въ Ростовѣ, какъ замѣчательномъ городѣ по своему значенію въ исторіи государства (см. Чтенія въ Им. общ. ист. и древн. россійс. при моск. универ., засѣд. 27 сентября 1847, годъ 3-й, статья графа Толстаго: *Ростовъ Великій*.)

жествъ, кромѣ церковныхъ крестныхъ ходовъ съ хоругвями и образами,— когда въ наставшій по волѣ Божіей часъ возрожденія Россіи къ новой жизни, въ окрестностяхъ Переславля, близъ озера, видятъ однажды, въ 1688 году, всадника, ѣдущаго прямо отъ Горицкаго-монастыря по хлѣбному полю, въ сопровожденіи еще трехъ человѣкъ, верхами. Преданіе описываетъ ѣздока такъ: онъ былъ велікъ ростомъ, статенъ, и въ одеждѣ, похожей на охотничью; изъ-подъ шляпы висѣли кудри русыхъ волосъ; его лицо было смугловато, глаза каріе, быстрые, усъ только пробивался; на бедрѣ висѣлъ мечъ, за поясомъ торчалъ кортикъ; при немъ былъ небольшой огнестрѣлъ. Строгъ былъ видъ его. Жавшая на полѣ рожъ крестьянка села Веськова, сказала всаднику: Эхче, баринъ, зачѣмъ хлѣбушко-то мнешь! А баринъ отвѣтилъ ей: Не брюзжи, старуха, хорошо вамъ будетъ! и поѣхалъ далѣе съ другими всадниками. Этотъ всадникъ-баринъ—былъ Петръ I, а одинъ изъ трехъ—переславльскій намѣстникъ.

Въ такомъ видѣ сохранило преданіе это событіе, вмѣстѣ съ именемъ крестьянки Устиньи Ааронової.

Въ каждомъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе въ царѣ, пересоздающемъ свой народъ, исторія дѣлъ есть исторія развитія мысли. Ее не лишнее повторить здѣсь вкратцѣ: человѣкъ, о которомъ говорится, и дѣло его, таковы, что объ нихъ нельзя довольно наговориться. Однажды князь Я. Ѳ. Долгоруковъ разсказываетъ юношѣ Петру о бывшей у него астролябіи, потомъ привозитъ изъ Парижа самую астролябію; Петръ желаетъ извѣдать употребленіе инструмента; находится учитель Тиммерманъ; Петръ начинаетъ прилежно учиться у него ариѳметикѣ, геометріи и землемѣрію; онъ случайно видитъ въ амбарѣ, въ подмосковномъ царскомъ селѣ Измайловѣ, старый англійскій ботъ; узнаетъ отъ Тиммермана употребленіе бота; отыскивается голландецъ Брантъ, который чинитъ ботъ и ѣздитъ на немъ съ Петромъ, сперва на измайловскихъ прудахъ, потомъ по Яузѣ. По Яуза узка—ботъ упирается въ берега. «Здѣсь и тамъ немного авантажу сыскалъ—пишетъ самъ Петръ — а охота стала отъ часу болѣе» Петру сказали о Переславскомъ (Плещеевѣ, Клещинѣ) озерѣ. Онъ выпросился туда съѣздить у своей матери, подъ предлогомъ обѣщанія въ Троицкій-монастырь; а потомъ уже сталъ проситься явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. Событіе совпадаетъ съ открытіемъ астролябіи. Велікій ставитъ два эти случая рядомъ, какъ важнѣйшіе и первые, давшіе дальнѣйшее развитіе его способностямъ. Явившійся, въ 1688 году, близъ Переславля Петръ пріѣхалъ туда осмотрѣть озеро. Вскорѣ за тѣмъ начали строить на озерѣ суда. Уже въ 1689 году, Брантъ, съ корабельнымъ мастеромъ Кор-

томъ, хлопотали надъ тремя судами. Къ вторичному пріѣзду Царя въ Переславль, въ 1689 году, два изъ нихъ, предъ вскрытіемъ озера, были въ отдѣлкѣ, и самъ Государь трудился надъ ними, по выраженію его «яко Ной (надъ ковчегомъ возрожденія Россіи)». Кортъ вскорѣ умеръ. Брантъ работалъ съ цѣлою колоніею мастеровъ нѣмцевъ, при помощи переславльскихъ рыбаковъ, устраивая нужное, чтобъ юношѣ Государю можно было на слѣдующее за тѣмъ лѣто 1690 года свободнѣе приняться за изученіе задуманнаго имъ дѣла. Въ 1689 году были совершенно кончены 2 фрегата и 3 яхты, и Петръ учреждаетъ спускъ на воду нотѣшной флотиліи. Въ Переславлѣ съ незапамятныхъ временъ, въ шестое воскресенье, выходили на озеро со крестами, изъ двухъ прибрежныхъ церквей при устьѣ Трубежа, для водоосвященія. Шестое воскресенье было въ 1690 году 1 мая, и Петръ назначилъ этотъ день для торжества освященія и для спуска флотиліи; но устроилъ такъ, что священники изъ собора и всѣхъ церквей въ Переславлѣ плыли на лодкахъ, въ двѣ линіи, около береговъ Трубежа, отъ нынѣшняго моста чрезъ рѣку, къ тѣмъ двумъ церквамъ, для служенія въ нихъ литургіи. Въ Переславлѣ уже находилось созданное Петромъ потѣшное войско, съ пушками. Лишь духовная процессія, послѣ обѣдни, приблизилась къ берегу, какъ предводимая Петромъ флотилія отчалила и вошла на средину озера, при громѣ пушекъ, ружей и восклицаніяхъ народа. По данному знаку все смолкло; священо-дѣйствіе совершилось; тогда снова раздался громъ оружія. Процессія пошла обратно; а Государь началъ тѣшиться по озеру новою своею потѣхою. Съ той поры, къ празднику въ шестое воскресенье присоединено празднованіе рожденія русскаго флота, совершаемое съ церемоніею, съ тою однако разностію, что нынѣ не раздается громъ оружія, не слышно народныхъ восклицаній, на озерѣ нѣтъ флотиліи.

По недостаточности воднаго пространства для настоящей школы мореплаванія, Переславское-озеро вскорѣ было оставлено. Петръ обратилъ было вниманіе, съ тою же цѣлію, на озеро Кубенское, и ѣздилъ въ Архангельскъ, чтобъ видѣть море и плавать на его поверхности. Между-тѣмъ обстоятельства развивались, осложнялись, какъ болѣзни развитія общественнаго организма; Петръ творецъ, Петръ врачъ въ тогдашней Россіи, созидалъ; ему нужна была не флотилія въ Переславлѣ, а суда на Волгѣ и на Дону, и изъ письма Государя къ князю Ромодановскому видно, что построенный мастеромъ Классомъ на берегу Переславскаго-озера, корабль проведенъ весною 1698 года по рѣкамъ Векеѣ, Сумино и Нерли, въ Волгу. Такая же участь постигла, вѣроятно, и другія суда, годныя къ употребленію.

Впрочемъ, сколько бы ни было построено судовъ на Переславскомъ-озерѣ, оно, какъ колыбель флота, занимаетъ въ его исторіи первый десятилѣтній періодъ времени, отъ 1688 по 1698 годъ. Но на берегу озера жили строители судовъ, нѣмцы; въ Переславль пріѣзжалъ Петръ, и иногда часто, такъ напримѣръ въ 1693 году пять разъ; должно же было находиться еще что-нибудь въ верфи, кромѣ судовъ? Потому скажемъ здѣсь, что тутъ было, что съ бывшимъ сдѣлалось, и что досихъ-поръ еще остается.

Нѣмцы жили близъ озера отдѣльной слободою, между Горицкимъ-монастыремъ и селомъ Веськовымъ, на горѣ, которая до-сихъ-поръ слыветъ нѣмецкою, въ 90 саженяхъ отъ рѣчки Вески и въ 130 саж. отъ озера. На мѣстѣ, называемомъ донынѣ дворцомъ, былъ дворъ Государевъ; при немъ, вправо, къ Веськову, церковь Вознесенія Господня, кузница, амбары, погреба, колодезь, выкопанный будто-бы самимъ Петромъ. Дворецъ былъ деревянный, о 5 комнатахъ, на 12 вѣнцахъ, 8 саженъ; оконницы—слюдяныя. Входили во дворецъ отъ озера, въ трое дверей; надъ среднею изъ нихъ былъ двуглавый орелъ изъ листоваго желѣза; полы были дубовые, печи изразцовыя, муравленныя. О самомъ дворцѣ говорятъ одни, что онъ былъ перевезенъ епископомъ Ѳеофилактомъ (Горскимъ) на берегъ озера Марникина, по московской дорогѣ, въ 7 верстахъ отъ Переславля, гдѣ точно былъ архіерейскій домъ, сломанный только въ началѣ XIX столѣтія; а другіе, что будто дворецъ купилъ купецъ Угрюмовъ, перевезъ его въ Переславль, и что Императрица Екатерина II останавливалась въ этомъ домѣ. Церковь пришла въ ветхость и упразднена. Иконы переданы въ нынѣшнюю церковь въ селѣ Веськовѣ: полагаютъ, не онѣ ли стоятъ въ иконостасѣ, какъ мѣстные образа *.

Остатки флотиліи не возбуждали, кажется, особеннаго вниманія въ мѣстныхъ властяхъ; по-крайней-мѣрѣ, изъ указа Петра переславльскимъ воеводамъ, даннаго въ Переславлѣ 7 февраля 1722, видно, что онъ поставляетъ имъ въ особенную обязанность «беречи остатки кораблей, яхтъ и галеры, подъ отвѣтственноетію взысканія съ нихъ и ихъ потомковъ, если они это опустятъ, какъ съ пренебрегшихъ сей указъ.» Послѣ того тщательно хранили остатки флотиліи, и для этого былъ выстроенъ особенный сарай близъ церкви Знаменія Богородицы, прозванной отъ того «при корабляхъ.» Въ-послѣдствіи, во-время пожара, сарай съ остатками флотиліи сгорѣлъ, но не со всѣми вещами: жители успѣли

* Въ церкви въ С. Веськовѣ, при входѣ въ трапезу, *нельзя не обратить вниманіе* на образа (лики Святыхъ), поставленные надъ входомъ изъ трапезы въ церковь. Они особеннаго писанія.

спасти ботикъ, нѣсколько блоковъ и другихъ снастей, и чтобъ такая-же участь не постигла и эти остатки, былъ устроенъ особый деревянный балаганъ на мѣстѣ бывшаго Петрова дворца, гдѣ и хранили ботикъ съ другими корабельными вещами до 1802 года, когда одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени — князь П. М. Долгоруковъ, назначенный во Владиміръ гражданскимъ губернаторомъ, оцѣнивъ драгоцѣнность остатковъ флотиліи, возбудилъ въ дворянахъ соревнованіе вполнѣ къ сооруженію приличнаго зданія, вмѣсто балагана. Участникомъ этого соревнованія оказалъ себя извѣстный сановникъ еще Екатерининыхъ временъ, тамошній помѣщикъ Ст. Ст. Апраксинъ: онъ принялъ на свой счетъ содержаніе одного инвалида-матроса. Въ 1803 году зданіе было готово, и въ немъ помѣщенъ ботикъ и прочіе остатки потѣшной флотиліи и другіе. Чрезъ тридцать лѣтъ зданіе было исправлено на счетъ дворянства. Возникалъ было вопросъ о перевозкѣ ботика въ С.-Петербургъ; но остался безъ послѣдствій. По оказавшейся недостаточности присмотра за строеніемъ и хранящимися въ ономъ вещами, въ 1842 сооружены каменныя казармы со службами, на счетъ дворянства, и вмѣсто одного инвалида-матроса, помѣщены въ нихъ трое такихъ инвалидовъ. Въ 1846 году обстоятельства навели на ту мысль, что мѣсту, ознаменованному дѣйствіями Великаго Петра, не прилично оставаться въ частномъ владѣніи одного лица, и дворянство рѣшилось пріобрѣсти на свой счетъ село Веськово, гдѣ это мѣсто, изъ владѣнія Емельянова, въ свою собственность, что исполнено за девяносто тысячъ рублей асегнаціями. Поэтому случаю Государь Императоръ изволилъ отозваться: «Поступокъ этотъ вполнѣ достоинъ чувствъ Владимірскаго дворянства, какъ Его Величество всегда разумѣлъ оное.»*

Вотъ что сохранилось донынѣ отъ остатковъ потѣшной Петровой флотиліи, и его дворца:

1. Двадцать четыре иконы, которыя отъ времени утратили свѣжесть.

2. Собственноручный Императора Петра I указъ переславльскимъ воеводамъ о сохраненіи ботика, 7 февраля 1722 года.

3. Россійскій гербъ изъ жести, на желѣзномъ шпилѣ, вѣроятно, бывшій надъ входомъ во дворецъ, какъ говоритъ преданіе.

4. Ботикъ Петра I, съ тремя кольцами и желѣзною посредине связью.

5. Семь якорей, изъ которыхъ шесть большихъ, двухлапныхъ, а седьмой маленькій, трехлапный, съ тремя кольцами.

* См. Свв. Пч. № 217, 1852 г.

6. Нѣсколько оставшихся лоскутьевъ отъ парусовъ.

7. Большихъ блоковъ отъ судовъ 47 и малыхъ 48.

8. Деревянныхъ гнилыхъ спицъ, оставшихся отъ палатокъ, 12.

9. Рулей деревянныхъ, съ желѣзными полосками, 19.

10. Мачтъ съ блоками и принадлежащими къ онымъ желѣзными крюками и веревками 18.

11. Два флажныхъ деревца, съ деревянными блоками.

12. Оставшійся отъ часовъ деревянный кругъ, съ желѣзными прутьями и четырьмя колесами.

13. Четыре пушечныя чугунныя ядра.

14. Петель большихъ 11, маленькихъ 9, подставки, цѣпи, закладки, пробои, скобы, кольца.

15. Два желѣзные большіе котла, одно жестяное ведро, 6 кузнечныхъ мѣховъ, корабельное точило, 1 печной и 3 трубные заслона, 4 топора, 2 тёсла, 2 пазовника, дубовая корабельная петербалка для вынимания якорей.

16. Оконницъ слюдяныхъ рѣшетчатыхъ 150, съ изображеніями китайской живописи 4.—11 зимнихъ твердыхъ втулокъ, обитыхъ войлоками, и 6 ветхихъ; 6 обитыхъ войлоками дверей; нѣсколько войлоковъ.

17. Два большіе стеклянные полштофа, большая деревянная ступа и маленькій ящикъ съ рукояткой, столовая доска съ желѣзными петлями, двѣ деревянныя колодки для плетенія лаптей, 14 шестиковъ небольшихъ, красныхъ, рѣзной безъ головы левъ, вырѣзанный на доскѣ; нѣсколько вантовъ, снастей съ юнгферами.

Признательному чувству русскихъ нѣтъ границъ. Такъ владимірское дворянство давно уже желало еще чѣмъ-либо упрочить для потомства воспоминаніе объ отдаленно-миновавшемъ событіи на берегу Переславскаго-озера, и въ 1850 году, по случаю проѣзда чрезъ Переславль высокихъ путешественниковъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, оно, чрезъ предводителя своего, изъявило предъ Ихъ Высочествами намѣреніе соорудить близъ зданія, гдѣ хранятся ботикъ и описанныя остатки флотиліи, памятникъ Петру Великому. Августа 17 тогоже года Ихъ Императорскія Высочества положили первые камни въ основаніе памятника. Онъ сдѣланъ и поставленъ на мѣстѣ на берегу озера, и ровно чрезъ два года послѣ, именно 17 августа 1852 года, дворянство владимірской губерніи и его предводители, въ присутствіи духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ губернскихъ и мѣстныхъ властей, гражданъ города, при многочисленномъ стеченіи горожанъ и изъ окрестныхъ мѣстъ народа, праздновало совершившееся освященіе и открытіе намят-

ника, и вмѣстѣ болѣе нежели полуторостолѣтіе перваго ботика, дѣдушки русскаго флота *.

Воспоминанія отечественныя всегда придаютъ особенную торжественность подобнымъ праздникамъ; но бывшій по описанному случаю въ Переславлѣ праздникъ можно поставить выше многихъ подобныхъ торжествъ, совершаемыхъ въ Россіи, сколько по полнотѣ церемоній, церковной и военной, и по выраженію народныхъ чувствъ, столько же по самой побудительной причинѣ, и главное, потому, что со времени спуска на озеро въ Переславлѣ потѣшной флотиліи прошло 162 года: а въ эту эпоху, Переславль, съ отнесеніемъ резиденціи въ С. Петербургъ, отстранился почти отъ всѣхъ интересовъ современныхъ дѣлъ въ государствѣ, и жилъ однимъ воспоминаніями о кратковременномъ проблескѣ своего значенія. Естественно, что безмолвіе покрыло, вмѣстѣ съ мѣстомъ, и блистательное рожденіе русскаго флота, тогда какъ событіе это можно считать первою путеводною звѣздой на горизонтѣ исторіи новѣйшей Россіи.

Этотъ второй народный праздникъ въ Переславлѣ былъ, какъ увѣряютъ, въ нѣкоторыхъ, неизмѣняемыхъ временемъ отношеніяхъ, выполненъ какъ и первый, въ 1690 году. До тысячи человѣкъ войска на немъ пили вино, наливаемое изъ штофовъ временъ Петра 1-го.

Все на свѣтѣ имѣетъ свою физіономію, свой рельефъ. Такъ, въ городѣ, нѣсколько вѣковъ существующемъ, или на мѣстности, извѣстной отъ начала міра, должно же быть, или случиться также что-нибудь свое, особенное, такое, чѣмъ можно бы гордиться, или славиться. Историческія минувшія событія точно могутъ составлять гордость переславцевъ. Но это ихъ прошедшее. Въ настоящемъ, чѣмъ мѣстность города славится? Если нынѣ спросите перваго, кто встрѣтится оттуда: Что есть въ Переславлѣ? — онъ отвѣтитъ: А сельди-то, а лещи-то копченые, — развѣ такіе найдутся еще гдѣ-нибудь въ Россіи? И впрямь нѣтъ! Но мѣстные жители, по закону нравственной натуры, не цѣнятъ слишкомъ того, что всегда на глазахъ, подъ руками, не цѣнятъ произведенія мѣстнаго рыболовства, по привычкѣ къ нимъ и по возможности имѣть всегда, во-время лова, и сельди и лещи. Тѣмъ не менѣе та и другая рыба достойны замѣчанія, и вотъ почему. Сельди, какъ извѣстно, живутъ вообще въ моряхъ, то-есть въ соленой водѣ. Но въ Переславскомъ-озерѣ вода прѣсная. По этому ли—(обстоятельство, отчасти не согласное съ натурою сельдей) — или еще и потому,

* Жители Переславля двояко думаютъ о ботикѣ; одни считаютъ его тѣмъ самымъ, который Петръ увидѣлъ въ амбарѣ въ селѣ Измайловѣ; другіе полагаютъ, что онъ построенъ при Петрѣ, въ Переславлѣ.

что грунтъ въ Переславскомъ-озерѣ не пловатый, а чисто песчаный, тамошняя сельдь, по величинѣ нѣсколько бо́льше обыкновенной (голландской такъ-называемой), очень нѣжна, иногда жирна, и непрочна до того, что, копченая, она можетъ сберегаться развѣ недѣли три, разумѣется, безъ особенныхъ предосторожностей, даже въ осеннее, не теплое время. Сельдь въ Переславлѣ ловится въ разное время. Ловля рыбы изъ озера принадлежитъ исключительно крестьянамъ рыбной слободы удѣльнаго вѣдомства, живущимъ на берегахъ озера и рѣки Трубежа, при устьѣ его. Слобода дворцоваго вѣдомства была пожалована 7 декабря 1762 года Императрицею Екатериною II, вмѣстѣ съ селомъ Веськовымъ, Л. Г. коннаго полка ротмистру Бутакову съ сестрою его, фрейлиною. Но въ 1773 году Бутаковы продали слободу въ дворцовое вѣдомство. Этихъ сельдей на мѣстѣ употребляютъ въ пищу въ разныхъ видахъ: вареными съ другими рыбами въ ухѣ, жареными (самое лакомое кушанье), а всего болѣе копченными, равно какъ лещей и другую рыбу изъ озера, хотя послѣдняя не имѣетъ ни достоинства, ни цѣнности сельдей и лещей. Оптовымъ производствомъ копченыхъ рыбъ сами рыбаки не занимаются; они только продаютъ ихъ проѣзжающимъ черезъ Переславль, по мелочамъ, какъ мѣстную особенность, и путешественники охотно покупаютъ рыбу на гостинцы, какъ водится въ Россіи между ѣдущими куда-нибудь въ гости, или возвращающимися откуда-нибудь изъ гостей, затѣмъ, чтобы не явиться съ пустыми руками, и не возбудить въ шутку вопроса: что́ же, самъ пріѣхалъ, а ничего не привезъ? Уловъ рыбы берутъ на откупъ отъ рыбаковъ производители оной, московскіе спекуляторы, болѣе лавочники — овощники, и вносятъ впередъ за крестьянъ рыбной слободы подати и повинности, принимая потомъ рыбу къ зачету въ откупную сумму. Странно нѣсколько то, что въ Переславлѣ копченыя сельди и лещи покупаются въ розницу иногда дороже, нежели за сколько можно имѣть ихъ въ Москвѣ, изъ овощныхъ лавокъ... Продавцы всегда выпгрываютъ на мелочахъ; а покупщики гостинцевъ — проигрываютъ, не имѣя иногда времени, на скорой ѣздѣ, торговаться, тѣшиться (торгъ, говорятъ у насъ, потѣшку любитъ). Извѣстно, что торгованье въ нашей торговлѣ не есть знакъ бережливости или разсчетливости: въ этомъ мы, къ сожалѣнію, еще неповинны; но просто слѣдствіе говорливости, и иногда не для чего другаго, какъ для потѣхи, а при этомъ *авось-что-нибудь*, можетъ-быть, и уторгуется. Это, впрочемъ, свойственно всякому народу, живому, какъ мы. Въ Неаполѣ, напримѣръ, разносчикъ рискуетъ ничего не продать весь день съ своей подвижной лавочки, если велерѣчивымъ, жестикулативнымъ разсказомъ забавной исторійки, басни, или чего-

нибудь смѣшнаго, не соберетъ вокругъ себя народа, слоняющагося, почти бѣгающаго толпами по городскимъ улицамъ. Но разскащикъ обаяетъ, и смотришь у него купить одинъ то, другой другое. Нѣкоторые полагаютъ, что сельди въ Переславскомъ-озерѣ разведены только со временъ Петра I. Странно! Для полноты величія Великаго довольно и того, что̀ дѣйствительно сдѣлано при Немъ и Имъ. Сельди же не занимаютъ мѣста въ его исторіи. Герберштейнъ (Ист. г. Р *Карамз.* Т. VI., прим. 447) пишетъ, между-прочимъ, что коронованному Димитрію (Донскому въ-послѣдствіи), за великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, во исполненіе древняго обычая, подали блюдо *сельдей переславскихъ*. Этимъ напоминалось новому великому князю, что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ Димитрій Донской принадлежитъ XIV вѣку; однако и тогда еще сельди ему подавались по древнему обычаю. Не служитъ ли это подтвержденіемъ того, что̀ мы сказали выше на счетъ отдѣльности отъ Москвы Залѣсскаго края, и тому, что изъ нынѣшняго московскаго округа народъ началъ расходиться въ ту сторону, когда утвердилось монашество въ Свято-Троицкой обители Сергія, современника и боговдохновеннаго споспѣшника великаго князя Димитрія Іоанновича. Тогда ростовскій и залѣсскій край, уже сдѣлавшійся нѣсколько прежде того времени зависимымъ отъ московскаго великаго князя, еще болѣе прикрѣпился къ его области. Желательно, чтобы переславскія сельди были разведены въ Осташковскомъ озерѣ, Селигерѣ (Тверск. губ.). Вода въ немъ тоже прѣсная и грунтъ также песокъ; перевезти же сельди изъ Переславля до Москвы въ бочкахъ, а отъ Москвы по желѣзной дорогѣ, къ ближайшему мѣсту отъ Осташкова, невозможно.

Н. РОЗАНОВЪ